

НАД СТРАНИЦАМИ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Н.И. Павлова¹

Тверской государственный технический университет

ПОЭТИКА ВИЗУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»: К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ЛИТЕРАТУРНОГО УСПЕХА

Статья посвящена творчеству Гузель Яхиной, одной из самых успешных начинающих авторов. На основе анализа романа «Дети мои» определяются основные черты его поэтики, во многом объясняющие причины литературного успеха писательницы. Показывается, что жанровый синкретизм, умелое использование кинематографических приемов в сочетании с аудиовизуальной образностью, высокой степенью художественной детализации, способствует активизации каналов коммуникации между автором и читателем, когда достигается эффект «проживания» книги. Усиление эмоционального воздействия происходит и за счет пристального авторского внимания к «телесному» изображению человека на пике проявлений того или иного чувства, что отразилось на использовании особых психосоматических приемов изображения персонажа.

Ключевые слова: Г. Яхина, современная русская литература, литературная кинематографичность, визуализация.

N.I. Pavlova

Tver State Technical University

THE FUNCTION OF CINEMATIC TECHNIQUES IN POETICS OF THE NOVEL BY G. YAKHINA «CHILDREN OF MINE»: REVISITING THE PHENOMENON OF LITERARY SUCCESS

The article is devoted to Guzel Yakhina's literature, one of the most successful modern authors. Based on the text analysis of the novel «Children of Mine» the poetics main features explaining the reasons for the author's literary

¹ Надежда Ивановна Павлова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Тверского государственного технического университета (Тверь).

success are defined. The article shows that genre syncretism, skillful use of the cinematographic techniques in combination with audio-visual imagery, a high level of literary detail elaboration contribute to the communication channels activation between the author and the reader when the effect of “passing through the book” is achieved. The emotional impact strengthening happens due to the author’s deliberate attention to the “corporal” representation of a person when the feelings are more strongly and deeply manifested that caused the use of the peculiar psychosomatic devices in a character’s representation.

Keywords: G. Yakhina, modern Russian literature, literary cinematography, visualization.

Имя Г. Яхиной стало примером поистине уникального литературного успеха, какой только можно представить для современного малоизвестного писателя, когда он в одночасье «просыпается знаменитым». Случай всеобщего, единогласного признания романа «Зулейха открывает глаза» (2015), прославившего дебютантку и удостоившего ее сразу нескольких престижных и (заметим попутно) довольно разных по критериям отбора литературных премий («Ясная Поляна» и «Большая книга»), – беспрецедентный в современной литературе последних десятилетий. Сегодня роман переведен на 31 язык и готовится к экранизации на канале «Россия».

В этом году вышел в свет второй долгожданный роман Г. Яхиной «Дети мои», в котором автор вновь обращается к исторической тематике, а именно раннему советскому периоду 1920–1930-х гг., продолжая размышления на тему «маленького человека в Большой Истории», верно подмеченную критиком П. Басинским [Басинский, 2018, электронный ресурс, <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html>].

Исследований, посвященных этому произведению, в силу новизны книги, пока еще нет, существует лишь только несколько критических отзывов и рецензий, которые немаловажно учитывать для оценки рецепции романа. Если первый роман описывает жизнь татарской деревни и ссыльных в Сибири 1930-х гг., то на этот раз сюжет погружает читателя в атмосферу быта поволжских немцев в 1920–1930-е гг.

Писательница вопреки рискам провала второго романа после головокружительного дебюта, вновь обращается к исторической проблематике. Литературные достоинства второго романа едва ли уступают первому, о чем свидетельствуют в целом похвальные отзывы как читателей, так и критиков. Как отмечает в предисловии к изданию Елена Костюкович, «второй роман оказался выдержанной проверкой.

Еще ярче, увлекательнее и честнее первого. Обычно случается наоборот. Яхина вновь удивила нас» [Костюкович, 2018, электронный ресурс, <https://e-reading.mobi/book.php?book=1060645>]. Единодушны во мнении оказываются и другие авторы рецензий на роман «Дети мои» (Басинский, Чернявская, Брейнингер).

В чем же секрет столь стремительного успеха молодого начинающего автора? Этот вопрос не перестает волновать в случае с Гузель Яхиной и лейтмотивом звучит на страницах критических обзоров и исследовательских статей. С филологической точки зрения ответ на этот вопрос особенно интересен, поскольку мог бы пролить свет на механизмы, формирующие литературный мейнстрим сегодня, эстетические критерии культурно одобренных художественных текстов, а значит понять специфику современной литературы.

Что касается творчества Г. Яхиной, среди возможных ответов вполне убедительной представляется позиция И. Савкиной и А. Розенхольм, усматривающих «секрет безоговорочного успеха» [Савкина, Розенхольм, 2016, № ¾, с. 22] писательницы в плоскости удовлетворения читательских ожиданий. Тем не менее этот вопрос до конца не решен и остается открытым. С этой точки зрения выход в свет второго крупного произведения Г. Яхиной, вероятно, поможет оценить специфику ее манеры письма, определить особенности поэтики, позволив в конечном итоге приблизиться к раскрытию феномена литературного успеха автора новейшего времени.

Так или иначе, книги Яхиной обладают рядом отличительных признаков, очевидных не только специалистам-филологам, но и подготовленным читателям. К таковым, в первую очередь, относится жанровый синкретизм, «жанровая гибридность» [Савкина, Розенхольм, 2016, № ¾, с. 23], способная расширить аудиторию читателей, угодив разным, зачастую противоположным их потребностям. Так, в первом произведении «Зулейха открывает глаза» отголоски соцреалистического романа о коллективизации в духе Шолохова легко уживаются с мелодрамой, робинзонадой и «экшеном». Не исключение и второй роман, написанный в духе магического реализма и умело сочетающий традиции авантюрного романа, произведений о детях-беспризорниках, фэнтези, мелодрамы и все того же соцреалистического романа. Знакомство с отзывами читателей и рецензентов, наряду с личным читательским опытом, делает очевидным тот факт, что в аллюзивное поле ассоциаций

попадают многие герои Яхиной¹. Кроме всего прочего, обращение писательницы к материалу немецких народных сказок, причудливо включенных в исторический контекст 1920–1930-х гг., делает возможным сочетание неомифологизма и неореализма в поэтике ее произведений, расширяет диапазон интерпретаций, тем самым предоставляя большую ассоциативную свободу для коммуникации автора и читателя. Жанровые эксперименты, реализованные в романе «Дети мои», «магический реализм, ставший принципом книги» [Чернявская, 2018, электронный ресурс, <https://news.tut.by/culture/593657.html>], по мнению некоторых рецензентов, принадлежат к несомненным достоинствам авторской манеры.

Помимо жанровой игры, второе произведение писательницы обладает рядом особенностей, как нам кажется, существенных для его потенциальной популярности. Речь идет о сценарной поэтике, во многом ставшей организующим художественным принципом в обоих произведениях. Единодушно отмеченная в рецензиях кинематографичность², осязаемая в первом романе, установка на сериальность и другие приемы сценарного письма, явлены и во втором, пусть в меньшей степени и не столь выпукло. С одной стороны, это вполне объяснимо биографией самой писательницы: она окончила сценарный факультет Московской школы кино. С другой – если учитывать возрастающее влияние сценарной поэтики на многих отечественных прозаиков-современников (В. Аксенов, Г. Щербакова, Л. Улицкая, Д. Рубина и др.), то Яхина не выглядит исключением, а ее

¹ Зудейху парадоксально, но тем не менее небезосновательно порой сравнивают со Скарлетт О'Хара, а линия Баха и Клары переключается с Арсением и Устиной из «Лавра» Е. Водолазкина, даже низкорослые жители Гнадентала, кажущиеся Сталину слишком маленькими, у некоторых вызвали читательскую ассоциацию с хоббитами Дж. Р. Толкиена [Юзефович, 2018, электронный ресурс, <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-o-povolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkieniu>).

² Кинематографичность упирается в проблему визуальности. См. об этом: Бородина, С. Д., Яо, М.К., Еманова, Ю.Г. Визуализация как тенденция форм культуры, искусства, коммуникации // Вестник ТГГПУ. – 2011. – №4 (26); Лотман, Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти Раамат, 1973; Маньковская, Н.Б. Визуализация текста: приключения и злключения // Киноведческие записки. – 2008. – №89/90 и др.

тексты, скорее, представляют собой продукт дискурсивных практик популярной культуры. На фоне современных тенденций в литературном процессе (не только российском, но и мировом) вполне логично и обращение писательницы к советскому прошлому первой трети XX века. При этом, не претендуя на историческую фактографичность, а вероятнее, и вовсе избегая жанровых границ исторического романа, Г. Яхина использует исторический фон для художественной рефлексии об общечеловеческих проблемах и ценностях. В этом смысле точнее было бы говорить о попытке создания квазиисторического романа, когда герои помещены в определенную канву исторических событий, но при этом дистанцированно от них существуя.

Соотнося оба произведения, рецензенты отмечают более «умелую» и «зрелую» профессиональную манеру, реализованную в том числе в отдельных «доведенных до совершенства» [Юзефович, 2018, электронный ресурс, <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-o-povolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkieniu>] приемах. И на первом месте оказывается кинематографичность письма, покорившая читательскую публику по прочтении первой книги и заслужившая похвалу профессиональных литераторов и критиков. «Несколько кинематографический стиль повествования усиливает драматизм действия и яркость образов <...>» [Улицкая, 2015, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>], – пишет в предисловии к изданию «Зулейхи» Л. Улицкая. Действительно, при чтении поражает искусное умение автора достигать связности разворачивающихся событий, сцепляющихся между собой наподобие движущегося кадра. Эффект наглядности достигается, во-первых, за счет выбранной перспективы видения происходящего глазами героя – это сам Якоб Бах и с определенного момента беспризорник Васька, киргизский мальчик, поселившийся в их с Анче доме и ставший третьим основным персонажем романной истории. Однако в нарративе его точка зрения второстепенна. Во-вторых, инструментами, способствующими визуализации повествования, того, что в одном из отзывов критик Ольга Брейнингер назвала способностью Г. Яхиной создавать «миры, которые на бумаге оживают и играют полнокровной, настоящей жизнью», служит ряд кинематографических приемов, которыми, безусловно, писательница умело владеет. Среди них можно назвать прием «движение камеры», чередование планов, замедленной съемки. Повествовательные фрагменты, сменяющие друг друга, зачастую напоминают готовый

кадр, тщательно спланированную операторскую работу, указывающую на движение камеры и постановку сцены.

Примеров тому можно привести множество. Одним из характерных с этой точки зрения является эпизод побега Анче из дома Баха, когда, утомленный поисками, он возвращается домой и вдруг обнаруживает там девочку: «<...> Бах подошел к окну, заглянул – и увидел ее: Анче спала на своей кровати, не раздетая, не разутая – лежала поверх одеял и подушек, наискосок постели, чуть свесив запачканные землей башмаки. Солнечный луч медленно полз по безмятежному лицу. Чуть поморщилась, вздохнула сонно – и отвернулась от света, перекатилась на другой бок. <...> Стоял и смотрел, как играет свет на рассыпанных по подушке нежных кудрях, как загорается розовым изгиб щеки и подоткнутая под нее маленькая пятерня» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>].

Важно отметить использование характерного для Яхиной приема использования света, также имеющего кинематографическую природу («проснулся Бах от яркого света: солнечные лучи пронизывали дом – от девичьей спальни, через гостиную, к тесной кухоньке с огромной печью посередине»; «<...> увидел в окружающей темноте светлый треугольник – маленький кусок спальни» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]). Ср. эпизод, когда, обессиленный побоями, Бах наконец обнаруживает Клару после ухода разоривших их дом бандитов: «Проковылял к окну, прикрываясь от золотого свечения, словно боясь ослепнуть. Наконец развернулся от света и посмотрел на женщину. Она была обнажена. Бах впервые видел ее такой – сотворенной из молока и меда, из нежного света и бархатной тени. Тонкие руки ее лежали на округлом животе, прикрывая и защищая. Глаза были закрыты, черты лица неподвижны – она спала. А губы ее – улыбались» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>].

Перечень восходящих к сценарным особенностям письма отнюдь не исчерпывает особенности художественного почерка писательницы, о чем речь пойдет далее. Знакомство со вторым романом позволяет говорить об изменениях в авторской манере, что в первую очередь выражается в ослаблении роли исключительно кинематографических приемов в поэтике. Художественную разность текстов подчеркивает в одном из интервью и сама писательница:

«Тексты очень разные, в том числе в языковом, стилистическом отношении» [Шипнигов, 2018, электронный ресурс, <https://knife.media/yahina-interview/>].

Если первый роман оказался сюжетно динамичным, в чем-то действительно напоминающим сериал, даже «экшен», то второй более дескриптивный, сюжетно несколько замедленный, что выразилось прежде всего в отточенной и стремящейся к совершенству художественной детализации описаний, минимизации диалогов. Динамическая ситуация наблюдения, обнаруживающая стремление автора руководить читательским восприятием, создавать в мельчайших подробностях и деталях картины происходящего достигается за счет мастерской точности в изображении детали. Художественное внимание к мельчайшим подробностям – в изображении быта, интерьера, пейзажа, поведения героя – характерная черта романной прозы Г. Яхиной. Стоит вспомнить достойные восхищения скрупулезные описания старинных сундуков в комнате Тильды – няни Клары, или интерьер дома Удо Гримма, где живут герои. Писательница «по-хозяйски» организует пространство, любовно перебирая каждую подробность, каждую бытовую деталь: утварь, предметы одежды, их этнографическую принадлежность, особенность материала и т.п.

Знаковой чертой поэтики романа «Дети мои» является актуализация, помимо аудиальных и визуальных, также осязательных, обонятельных каналов коммуникации. Их синтез позволяет нарисовать пеструю, динамичную, предельно емкую картину художественного мира произведения. И в этой палитре приоритетное место занимает звук. Он становится незаменимым элементом в художественном мире романа. Звуковые образы в функционально-смысловом отношении являются, пожалуй, – одни из ведущих в системе творческого мировосприятия автора, который насыщает ими текст, делая на этом акцент с самого начала. Особенность главного героя заключается в том, что он предпочитает каждое утро «слушать мир», который «дышал, трещал, свистел, мычал, стучал копытами, звенел и пел на разные голоса», нежели внимать «звукам собственной жизни» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>].

Стихия акустических образов буквально пронизывает структуру текста. Это и шум ветра, и звуки грозы, дождя, речных потоков, пение птиц, треск сучьев и др. Ср.: «Небо, разбухшее от туч и оттого почти припавшее к земле, шуршало, трещало, гудело раскатисто»; «небо ахало» [Яхина, 2018, электронный ресурс,

<https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>] и др.

Кроме того, звук становится важным средством характеристики внутреннего мира персонажа, степени его психологического переживания. Не случайно, что все три центральных героя – Бах, Анче и приемыш Васька, обладают исключительной способностью восприятия звучащего мира, тонким чувством слуха. Для Баха и Анче мир предстает особым образом прежде всего потому, что они лишены способности говорить: немой Бах не имеет возможности обучить девочку звукам человеческой речи. Это оказывается по плечу только Ваське. Достаточно вспомнить многостраничное описание реакции взбудораженной чуждыми звуками города трехлетней Анче, когда Бах предпринимает безуспешную попытку покинуть хутор и переехать с девочкой на историческую родину в Германию. Она ощущала себя «частью звуков и образов» («Мир – огромный, невероятный – не вмещался в глаза и уши, ослеплял и оглушал. Перепопнял Анче, грозя разорвать на куски ее маленькое взволнованное сердце и пылающую от обилия впечатлений голову» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]).

Дар слышать мир, которым наделены герои Яхиной, относится к способности души. Так, упрямый, дерзкий и шкодистый Васька буквально меняется на глазах, «сидел как замороженный», слушая звуки старинного граммофона, который Бах зимними вечерами включает детям. В отличие от Анче, «чудо рождения голоса из ниоткуда <...> прихлопнуло Ваську, попало в самое темечко» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]. Не случайно (заметим в скобках) впоследствии Васька станет школьным учителем немецкого языка¹.

¹ По наблюдениям исследователей, «кинематографический текст, в отличие от традиционного, действительно в большей мере ориентирован на показ аудиовизуальной динамики <...>» [Мартынова, 2001, с. 29]. Однако функционально-смысловая нагрузка звуковых образов, служащих способом изображения мировосприятия героев, выходит за пределы трактовки исключительно в рамках приемов литературной кинематографичности.

Важно отметить и то, что во всех такого рода мастерски организованных описаниях реакции героев на сигналы внешнего мира принципиально оказывается психосоматическая подоплека, когда достигается эффект стирания границ между телом и звуком, телом и воздухом, телом и водой. Не случайно, наверное, образ ветра – один из самых излюбленных. Другими словами, писательница отдает предпочтение способу изображения героя, взятого в крайней степени психологического напряжения, именно через сенсорное восприятие. И здесь на помощь звуковым сигналам приходят осязательные, тактильные, обонятельные. Такого рода эпизоды с заметной периодичностью «распределены» в романе, в определенный момент активизируя эмоциональное переживания читателя.

Яркий эпизод, когда Бах догоняет сбежавшую в отчаянии на поиски друга Васьки Анче и берет ее, обессиленную, на руки: «Телесные прикосновения» вселяют силы в измученный организм Баха, он стал замечать и «оттенки древесной коры», «и вдыхать прохладный, пахнущий талым снегом и влажной землей» воздух, как никогда прежде чувствовать «ток древесных соков», ощущать в ноздрях «обилие ароматов: сырость воды, пряность первых трав, <...> сладковатость гнилых пней» и ощущать «поглаживания ветра каждой складкой и порой...» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]. Это состояние «мудрого проживания» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>] столь красочно художественно не раз воспето в произведении.

Но важно здесь то, что объединяющим элементом всех этих описаний служит стирание грани между телом и миром, внутренним и внешним. Тело лишь оболочка, впитывающая и пропускающая все окружающее пространство. Показателен с этой точки зрения первый яркий фрагмент «страсти» героя к буре в духе немецких романтиков. В этот момент «тело вдруг становилось чужим, <...> сердце пульсировало в глотке и в кончиках пальцев. <...> Струи хлестали по его телу и текли сквозь него. <...> Бурление в мышцах достигало высшей точки – очередным небесным ударом тело Баха разрывало на тысячу мелких частей и расшвыривало по степи» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>].

Похожим образом изображается чувство ликующего восторга, которое неожиданно для себя испытывает вождь Сталин, паря на вертолете над Волгой, в эпизоде его приезда в Покровск: «Ветер

ударил в рот, раздул гортань и проник внутрь, наполнил все полости и органы. Тело превратилось в оболочку для ветра, в голове радужным фонтаном взорвались десятки рифм» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]. Попутно заметим, что неслучайно образ ветра – один из самых излюбленных в романе, он зачастую становится источником изобразительно-выразительных средств («вздыхал ветер», «подростая Анче была – как воздух, как ветер, как полет осенних листьев над волжской водой» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]).

Сменой ветров характеризуется смена сезонов и отмеряется цикличность времени, в котором замкнуты главные герои в отличие от линейного времени истории, происходящей за пределами их единенной жизни на хуторе. «Гуляли по крышам ветры – зимой тяжелые, густо замешанные со снегом и ледяной крупой, весной упругие, дышащие влагой и небесным электричеством, летом вялые, сухие, вперемешку с пылью и легким ковыльным семенем» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>], – фраза, рефреном звучащая в начале, середине и конце романа. Столь же насыщен и многолик образ Волги, как в романе «Зулейха открывает глаза» образ Ангары, что могло бы стать предметом отдельного рассмотрения.

Подобного рода эпизоды можно было бы продолжать множить для сопоставления. Сюда же, например, относится уже упомянутое выше многостраничное описание впечатлений Анче от выхода в большой мир. Один из сильных по степени эмоционального напряжения эпизодов посвящен изображению скорби Якова Баха от потери Клары. Развернутая в тексте метафора всеобъемлющего слияния тела и мира, растворения границ физического тела напоминает состояние глубокого созерцания. При этом предельная обостренность чувств сенсорного восприятия служит столь же сильным маркером состояния героя, как и их атрофия. Так в тексте строятся эпизоды, представляющие крайнюю степень одиночества Баха в своем горе. Первый – от потери жены, второй – от потери ребенка, когда Анче и Ваську увозит в покровский интернат забредший на хутор агитатор-коммунист и все, чего всю жизнь боялся Бах, происходит. В этот момент «обоняние, слух и вкус предали Баха, как предала любимая девочка. <...> Дождевые капли падали на лицо и одежду, но кожа не замечала влаги и не испытывала неудобства <...>»

[Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>].

Таким образом, апофеоз того или иного чувства героя у Яхиной всегда передан посредством единения, слияния человека и окружающего мира и наоборот. Другой важной особенностью, вытекающей из наших наблюдений, является то, что главный художественный интерес для автора представляет человек в минуты духовного потрясения – чувства безутешного горя, скорби, страха.

Стирание телесных границ принимает и иную форму художественного выражения в романе. Способность героев воспринимать друг друга как единое целое, с одной стороны, подготовлена той «усложненной» художественной задачей, которую ставит перед собой автор, выводя на передний план героев, лишенных способности говорить. Избранная сюжетная ситуация, а именно: немота Баха и Анче – повод для художественного исследования человеческих чувств, их закоулков и пределов. Но семантика молчания видится шире. Немногословие и постепенный отказ от речи как таковой Клары и Баха так же, как и немота, заключает в себе потенциал для изображения предельной степени духовной близости людей. Происходит своего рода десемантизация языковых значений, преодоление пределов языка, когда вещи обретают ценность сами по себе: «Словесная скупость, о которой Бах с Klarой негласно договорились между собой, делала эту жизнь ошутимей, а сами слова – весомей» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]. На этом фоне чтение стихов Яковом или народных немецких песенок Klarой слышались иначе. У Баха и Анче за два года с момента ее появления на свет «сложился свой язык, гораздо более нежный, чем грубая человеческая речь. Язык этот состоял не из слов, а из взглядов, касаний, легчайшей игры мускулов на лице, из частоты дыхания и движения тел».

Границы тела уязвимы и проникновенны на пике выражения родительской любви. Тактильный, осязаемый характер взаимоотношений – отца и дочери – это еще и способ познания мира природы вокруг. От прижатого к груди тела Анче словно «исходила молодая и чистая энергия, проникающая в изможденный Бахов организм через телесные прикосновения. <...> Все стало наслаждением – во всем открылся какой-то близкий и правильный смысл. Во всем задышала жизнь» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>].

Итак, динамика духовных изменений – объект пристального изучения автора. Виртуозно схватываются телесные детали – во внешнем облике, повадках, движениях, едва уловимые взгляду изменения героя или героини, сигналы открытия «нового» знания о себе самом. Особенно ярко, на наш взгляд, это видно в создании портрета: будь то Клара, «новая, незнакомая» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>], в момент изменений, предвещающих ожидание ребенка вслед за страшным погромом в их с Якобом доме; подросшая Анче, в коей угадываются первые черты подростка или возмужавший после долгого отсутствия Васька. Приведем соответствующий фрагмент: «А еще Клара стала – ласкова. Эта ласковость, внезапно прорезавшаяся в ее голосе, смущала Баха необычайно – напоминала первые месяцы их знакомства, “слепые” уроки через ширму. <...> Красота ее, до этого тонкая и строгая, вдруг налилась особой силой: темнее и выразительнее глянули глаза, пышнее и ярче стали губы, извечная бледность сменилась румянцем, густым, вызывающе розовым. Теперь никто не принял бы ее за подростка – каждое движение выдавало женщину» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]. Или искусное описание повзрослевшей Анче, словно преобразившейся с момента возвращения сбежавшего однажды Васьки. Ее «взгляд наполнился радостью от обретения долгожданного друга, но – незнакомой дерзостью, и удалью, и бесшабашностью; на лице вместе с выражением удовольствия возникали новые гримасы – хитрости, озорства, беззаботной мальчишеской лихости, временами даже паясничанья. Движения рук стали размашистей и резче, плечи расправились и в то же время будто разболтались в суставах. Даже голова обрела какую-то иную, независимую посадку: то и дело откидывалась назад и с вызовом глядела вокруг <...>» [Яхина, 2018, электронный ресурс, <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html>]. В данном случае динамичный портрет создается за счет тщательного подбора изобразительных средств, связанных с использованием лексики невербальной семантики.

Таким образом, к доминантам художественного почерка Яхиной относится присущая ей склонность к выверенной динамичной детализации в изображении человека в его мировосприятии. С одной стороны, перечисленные особенности, как-то: сопряжение зрительных и слышимых образов, динамизация повествования, приемы

кинематографического письма, выстраивающие изображение наподобие разворачивающейся киноленты, – могут быть отнесены к типичным для современного литературного текста. С другой – функционально-смысловая нагрузка рассмотренных образов, доминирующие приемы изображения персонажей, пейзажа, быта, наряду с жанровой многослойностью, порождающей широкое поле для аллюзивных ассоциаций, позволяет определить специфику авторского письма – самобытного и узнаваемого на фоне современной отечественной прозы¹.

Выделенные нами акустические, визуальные, кинетические, осязательные средства изображения служат своего рода камертоном художественного мышления автора и его героев. Отсюда и проистекает та самая ощутимая зримость, то, что, наверное, имел в виду Павел Басинский: «Парадоксальное сочетание внешней как бы заторможенности развития действия и психологического напряжения, создаваемого яркими и сочными деталями, внутренними монологами, игрой с переключкой пейзажа, интерьера и состояний души – прием, который Яхина использует мастерски и в новом романе доводит его до стадии совершенства» [Басинский, 2018, электронный ресурс, <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html>].

Вероятно, перечисленные художественные достоинства и являются ключом к разгадке писательского обаяния Г. Яхиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басинский, П. Гузель Яхина выпустила новую книгу / П. Басинский // Российская газета.ру. 03.05.2018. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (28.08.2018).

Брейнингер, О. «Я вошла в роман, как в свой дом...» / О. Брейнингер // Год литературы. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://godliterary.ru/projects/breyninger-yakhina-volga> (20.08.2018).

Костюкович, Е. На всю глубину / Е. Костюкович // Яхина Г. Дети мои. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-reading.mobi/book.php?book=1060645> (28.08.2018).

¹ Оставшаяся за рамками данной статьи скрупулезная языковая, стилистическая, композиционно-синтаксическая работа автора достойна отдельного внимания и восхищения.

Мартьянова, И. А. Киновек русского текста: парадокс литературной кинематографичности / И.А. Мартьянова. – Санкт-Петербург: Сага, 2001. – 240 с.

Савкина, И. «Секрет ее успеха»: размышления о романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / И. Савкина, А. Розенхольм // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – Иваново, 2016. – № 3/4. – С. 22-25.

Улицкая, Л. Любовь и нежность в аду / Л. Улицкая // Яхина Г. Зулейха открывает глаза. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html> (25.08.2018).

Чернявская, Ю. Книги, о которых говорят. Гузель Яхина: от «Зулейхи» к «Детям» / Ю. Чернявская // TUT BY MEDIA. LLC. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.tut.by/culture/593657.html> (28.08.2018).

Шипнигов, И. «Дети» – роман о молчащем поколении. Интервью с Гузель Яхиной о втором романе, самоощущении писателя и сериале по «Зулейхе» // Нож. 01.06.2018. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://knife.media/yahina-interview/> (29.08.2018).

Юзефович, Г. «Гузель Яхина выпустила роман о поволжском немце «Дети мои». С отсылками к Толкиену» / Г. Юзефович // Медуза. 06.05.2018. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-o-povolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkienu> (17.08.2018).

Яхина, Г. Дети мои / Г. Яхина. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. – 496 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-reading.mobi/book.php?book=1060645> (28.08.2018).

Яхина, Г. Зулейха открывает глаза / Г. Яхина. – Москва: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 512 с. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html> (25.08.2018).

REFERENCES:

Basinskiy, P. Gusel' Jakhina vypustila novuju knigu / P. Basinskiy // Rossijskaja gazeta.ru 03.05.2018. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (28.08.2018).

Breiningер, O. «Ya voshla v roman, kak v svoj dom...» / O. Breiningер // God literatury. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://godliteratury.ru/projects/breyninger-yakhina-volga> (20.08.2018).

Chernyavskaya, Yu. Knigi, o kotorykh govoryat. Guzel' Yakhina: ot «Zulejkhi k detyam» / Yu. Chernyavskaya // TUT BY MEDIA. LLC. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://news.tut.by/culture/593657.html> (28.08.2018).

Kostyukovich, E. Na vsyu glubinu / E. Kostyukovich // Yakhina G. Deti moi / G. Yakhina. – Moskva: AST, Redakciya Eleny Shubinoj, 2018. – 496 s. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://e-reading.mobi/book.php?book=1060645> (28.08.2018).

Mart'yanova, I. A. Kinovek russkogo teksta: paradox literaturnoj kinematografichnosti / I. A. Mart'yanova. – Sankt-Peterbourg: Saga, 2001. – 240 s.

Savkina I. «Sekret ejo uspekha»: razmyshleniya o romane Gusel' Yakhinoj «Zulejka otkryvaet glaza» / I. Savkina, A. Rosenholm // Labirint. Zhurnal sozialno-gumanitarnykh issledovaniy. – Ivanovo, 2016. – № 3/4. – С. 22-25.

Shipnigov, I. «Deti» – roman o molchaschem pokolenii. Interviju s Gusel' Yakhinoj o vtorom romane, samooschuschenii pisatelya i seriale po «Zulejkhe» // Nozh. 01.06.2018. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://knife.media/yahina-interview/> (29.08.2018).

Ulizkaya, L. Lyubov' I nezhnost' v adu / L. Ulickaja // Yakhina G. Zulejka otkryvaet glaza / G. Yakhina. – Moskva: AST, Redakciya Eleny Shubinoj, 2015. – 512 s. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html> (25.08.2018).

Yusefovich, G. «Gusel' Yakhina vypustila vtoroy roman o povolzhskom nemce «Deti moi». S otsylkami k Tolkienu» / G. Yusefovich // Meduza. 06.05.2018. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yahina-vypustila-roman-o-povolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkienu> (17.08.2018).

Yakhina, G. Deti moi / G. Yakhina. – Moskva: AST, Redakciya Eleny Shubinoj, 2018. – 496 s. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://e-reading.mobi/book.php?book=1060645> (28.08.2018).

Yakhina, G. Zulejka otkryvaet glaza / G. Yakhina. – Moskva: AST, Redakciya Eleny Shubinoj, 2015. – 512 s. – [Elektronnii resurs]. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/547797-guzel-yahina-zuleyha-otkryvaet-glaza.html> (25.08.2018).